

Мурзилка 1962/12

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1962/12: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40920-9

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40920-9

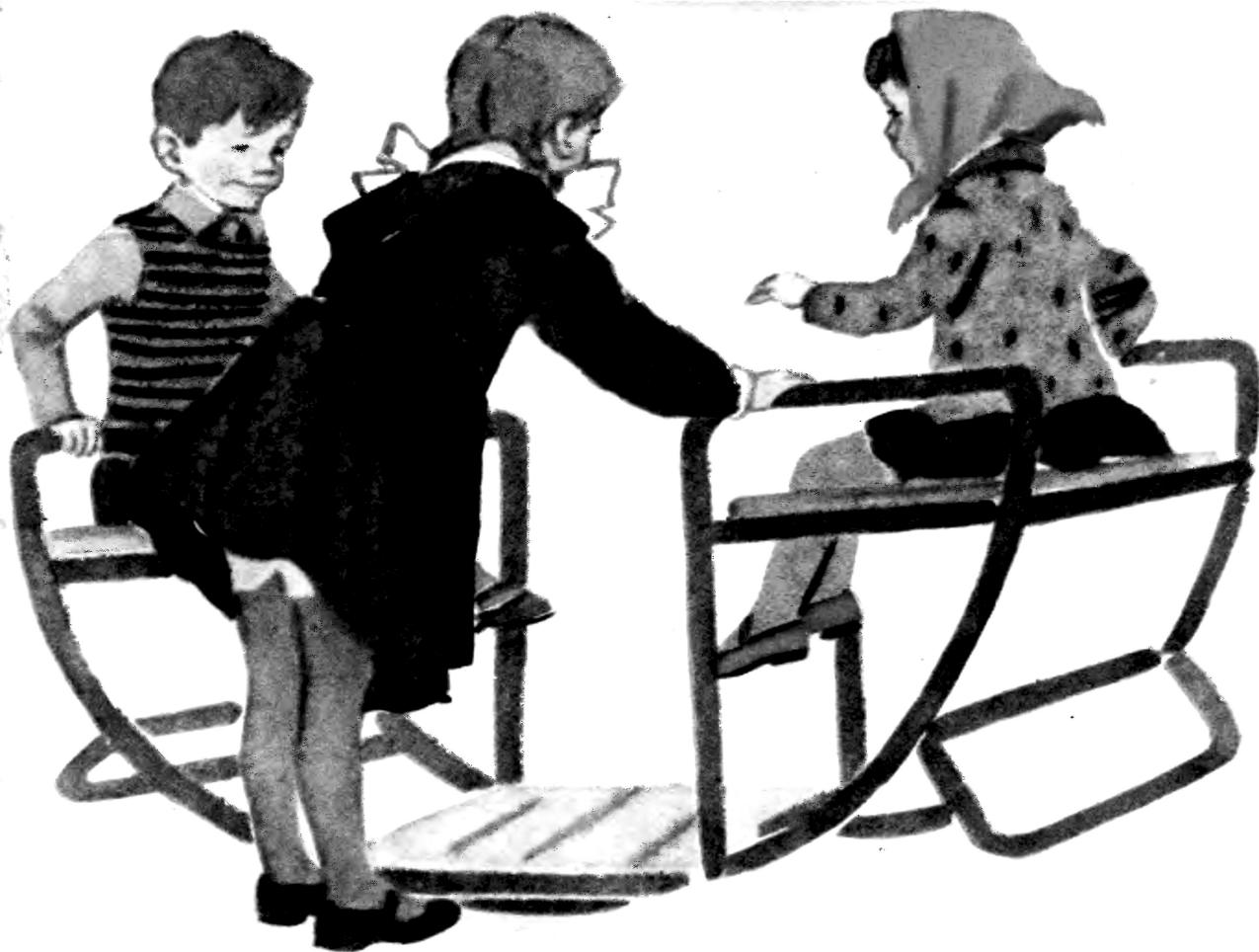
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРО ОДНОГО БЕДНЯГУ

ШИНА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

У нас во дворе полно малышей. Они любят, когда с ними играет Наташа. Наташе хорошо, она уже пионерка первой «ступени». Их в отряде всему учат. А что я? Я пока октябрёнок. Но когда Наташа в школе или ещё где-нибудь, приходится отдуваться мне. Наверное, потому, что я её брат.

Малыши глядят на меня и ждут: что будет дальше? Это по их глазам видно.

А что будет? Всякое у нас во дворе бывает.

Вот привезли нам качалки-промокашки. Ух, как налетели на них ребята! Будто сроду не видали. Я бы и сам налетел, да удержался. «Пускай, — думаю, — по крайней мере занимать никого не надо. Сами займутся».

Вдруг у третьего подъезда затеялась драка. И начал-то кто! Валентин, «моро-

женщик»! Его так прозвали, потому что всегда он сидел в сторонке, брикетик лепил из песка. Никакого от него беспокойства. А тут взъерошился, ноздри раздул, обеими руками в Колькину рубашку вцепился. Колька одну ногу в качалку закинул, другой на земле стоит, чуть не падает. А Валентин тянет его изо всех сил и кричит:

— Не твоя качалка! Уходи к своему подъезду! Не твоя качалка!

— А твоя, что ли? — отбивается Колька. — Твоя, да?

— А вот и моя! Раз у нашей двери, значит моя!

Шум вокруг поднялся.

— Хозяин какой выискался! — возмущаются ребята. — Ему одному шефы к двери поставили!

Стал и я Валентина стыдить, руки его

от Колькиной рубахи отдирать. А он ногами брыкается.

— Ты, — кричит, — тоже не в нашем подъезде живёшь, твоё какое дело!

Хорошо ещё, что квартира была у них на замке. Мать куда-то ушла, а то прибежала бы, подумала бы, что я быю её сыночка.

Держу я Валентина за руки, не знаю, что делать. Так бы и наподдал, да ведь заревёт на весь двор. А ребята, которые нас окружили, потянулись куда-то в сторону. Смотрю, это они к моей Наташе. Она стоит у газона, сумку с книгами на землю бросила, руками всплёскивает и приговаривает:

— Ах, что нам привезли! Ах, новые качалки! Ах, какие жёлтенькие! Даже внутри жёлтенькие, куда ногами вставать! Тоня, Юрик, садитесь, я вас покачаю.

Посадила Наташа самых маленьких, стала качать. Качает и поёт:

Вот в качалке-промокашке
Антонина и Юрашка!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— Не-ет! — кричат они и хохочут, за борта держатся, будто в лодке на волнах.

А Наташа уже других сажает и опять поёт:

А сейчас, а сейчас
Сядут Костик и Тарас!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— И про меня спой! И про меня! — просят малыши. Все собрались у той ка-

чалки, прыгают, радуются. Каждый ждёт своей очереди, своей песенки.

Бросил я Вальку и тоже пошёл к ним. А пока шёл, и у меня в голове песенка сочинилась. И я сказал Наташе на ухо:

— Спой ещё вон про него. Знаешь как? Вот так:

А жадюга Валентин
Пусть качается один!

— Тсс! — зашипела на меня Наташа и закрыла мне рот ладошкой. — Тсс! Не надо так.

Поглядела она, как Валентин у третьего подъезда трудится, сам себя раскачивает — аж покраснел весь, — помолчала немножко, тряхнула косами и спела жалостливым голосом:

Ах, бедняга Валентин!
Он качается один!

И тут он ка-ак заревёт! На весь двор! И мать сразу прибежала. Смотрит. А кого ругать, и не знает. Никто её сыночка не бил, никто даже не ругал. Целую качалку один захватил и ревёт.

Чудно! Неужели слово «бедняга» такое обидное? А я и не знал.

В НОЧНОЕ

С. АНТОНОВ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Кокушкинские ребята взять Володю с собой в ночное отказались...

— Нет, Володя, не просись лучше... — говорил Гриша, ударяя ивовым прутиком по пыльной дороге.

Другие молчали, видно соглашались с Гришей. Молчал и Федя, особенно, как казалось Володе, дороживший дружбой с ним.

— Не можем... И не просись... — повторил Гриша и увёл ребят.

Они шли к себе домой стайкой, в старых картузах, домотканых рубашках без поясов, в длинных, обтрёпанных внизу штанах, босые, с цыпками на ногах. А Володя, вместо того чтобы повернуть к себе, к дому на высоком берегу Ушни, стоял и смотрел им вслед.

Они вместе играли в бабки, ловили рыбу, катались на лодке, бегали наперегонки... Дружили... А вот взять в ночное отказались...

«Почему? — думал Володя. — Не хотят отвечать за чужого?»

Никто из семьи Ульяновых не был чужим крестьянам Кокушкина. Володя чувствовал это. Почти ежедневно он наблюдал, с каким завидным почтением относились крестьяне к отцу и матери. Конечно, уважение надо заслужить.

«Решили, что я испугаюсь ночи, что со мною что-нибудь случится... Побегу от страха, и меня зубастый волк унесёт в тёмный лес...» — упрямо сощурился Володя, улыбнулся.

После ужина, когда совсем стемнело, он тихонько вышел на улицу.

Вот и остались позади старый дом и флигель, сад и заборы. Где-то далеко — луг с ребятами, лошадьми, сказками и страшными рассказами о леших и водяных, с чем-то ещё неизвестным ему и таким интересным.

Было свежо и тихо. Кусты по сторонам казались то человеком в огромной папаше и с растопыренными в разные стороны руками, то медведем, вставшим на задние лапы, который вот-вот бросится, то таким страшилищем, которого и в сказке не найдёшь.

Одиноко здесь всё-таки, среди ночных лугов, лесов и оврагов.

Володя понял, что он боится немного. Сами по себе замедлились шаги.

А куст, похожий на разбойника в папаче, вдруг взмахнул веткой-рукой: мол, иди, иди! Сейчас я тебе покажу! А вот за тем кустом, если присмотреться, прячутся двое... Конечно, лихие люди, кому жизнь человека ни в грош... Людей там, ясное дело, никаких нет, а вот думаешь... Совсем неподалёку, в соседнем лесу, у ключа в ложбине, грабителями был убит лесник. До сих пор стояли там два деревца, к которым убийцы привязали свою жертву. Деревья засохли. Когда? Почему? Может быть, с горя?

Дети семьи Ульяновых часто отправлялись в этот лес на прогулку. Володя бегал к страшному ключу за водой и не испытывал страха. А сейчас хотя и не так уж страшно, но всё-таки...

А впереди на десятки вёрст густой кустарник, леса, овраги и темнота.

Было бы не так неприятно и не так страшно, если бы не эта тишина: будто всё вымерло и никому нет до тебя дела.

Впереди, за кустами, он увидел большое тёмное пятно. На нём поблескивала какая-то точка. От пятна отделилось другое. Подвода... и человек рядом! Володя вздохнул облегчённо. Он уже слышал, как фыркала лошадь. Но что это поблёскивает? Володя увидел колесо, лежавшее на телеге, дегтярницу, висевшую сзади... Ага! Это она блестит. Стало видно, что человек поправляет жердь, прилаженную вместо заднего правого колеса...

— Эй, милый! — крикнул он Володе.

Володя подбежал к телеге.

— Подсоби, родной... — попросил человек и, вдруг рассмотрев Володю, удивился. — Ульянова сын?! Владимир, что ль?

— Владимир...

Володя не знал, кто именно говорит с ним. Мужик был не из кокушкинских, наверное, из какой-нибудь соседней деревни. Может, будь немного светлее, Володя и узнал бы его.

— А я не узнаю вас, — признался Володя. — Не знаю, как звать.

— Да я тебя ещё вот такого помню, — мужик нагнулся и поднёс ладонь с толстыми загрубевшими пальцами чуть не к самой земле. — Матвеем меня зовут. Твой дед, царствие ему небесное, от болезни живота спасал... И не раз...

— Теперь я уж не забуду. Что у вас случилось?

— Телега древняя... Не вынесла, когда с горки съезжал... Вот и бьюсь. Подойди, Владимир! Я телегу приподниму, а ты, сынок, эту жердину поставь на место... Сумеешь? Дай-ка руку.

Матвей, бородатый могучий человек лет сорока пяти, взял Володину руку в свою и сунул её под телегу.

— Вот конец жердины. Чуешь? — спросил мужик, помогая Володе ощупать жердь.

— Чую... — с удовольствием повторил Володя ёмкое короткое слово. — Чую.

— Вот тут верёвкой я её прихватил, как мог крепче... Чуешь?

— Чую, чую, Матвей!

— Жердина не оторвётся. Но в сторону свихнуться может, если конец не заправить вот сюда, — и Матвей показал Володе, куда именно нужно заправить конец жерди. — Чуешь?

— Чую, Матвей!

— Ну вот. Теперь я телегу приподниму, а ты действуй.

Матвей поплевал на руки, потёр их и, сказав: «Раз-два! Взяли!» — легко поднял задок телеги.

Володя навалился руками на конец жерди и сказал:

— Есть, Матвей! Отпускайте!

Матвей отпустил и, проверив, всё ли так, одобрил:

— Чок в чок! Теперь и закурить можно.

Он закурил, несколько раз ударив кресалом о камень, пока не задымился трут, и спросил:

— А ты куда держишь путь, Владимир? Ночь на дворе!

Матвей говорил это весело, одобрительно, видно любя беспокойных людей, которые не ложатся спать с петухами.

— Гуляешь, что ль? Гулять-то есть чего ради: вечером всё другое, не то что днём. И рано утром всё другое. Вот и получается, что как бы три раза жизнь живёшь. Так куда же наострил-ся, Владимир?

— Я в ночное иду, к ребятам...

— О-о! Хорошо, — одобрил Матвей. — Любил я ночное... До сих пор всё помню, а что было потом, многое забыл... Ну что ж, садись, подвезу.

— Спасибо, я пешком, — отказался Володя.

— Да тебе куда? Кокушкинские обычно за этими оврагами лошадей пасут... Тебе туда?

— Туда, Матвей. Чок в чок!

Матвей улыбнулся.

— «Чок в чок». Ну, а мне крюк небольшой. Сверну и доставлю тебя к ребятам. Садись! Садись! В компании всегда веселей.

— В компании веселей, — подтвердил Володя, — но я пойду пешком.

— Что так? — Матвей в недоумении развёл

руками. — Одолжаться не хочешь? Так я тебя свезу за твою работу, всё равно теперь у тебя в долгу. Поехали!

— Спасибо. Рад был освободить вас от тягот, но я должен идти — и один.

Матвей только и воскликнул в удивлении:

— О-о!

Тогда Володя рассказал ему, как ребята отказались взять его с собой в ночное и как он решил прийти туда ночью один.

Матвей молча потрепал мальчика тяжёлой большой рукой по плечу, явно одобряя его. Потом он сел на телегу и, тронув вожжи, молча же уехал.

Володя снова остался один.

Справа — кусты, слева — кусты и берёзы. Впереди — овраги и лесок. И всё это — в густой, пугающей темноте.

Володя подождал, пока постепенно затих стук колёс, пофыркивание гнедой, и тронулся дальше.

Ребята лежали у костра на зипунах. Неподальку, стреноженные, бродили кони, сонливо бряцающая колокольцами.

Если посмотреть на костёр, а потом на небо, то звёзд сначала не увидишь. И вокруг костра, когда глядишь на небо с земли, звёзд тоже не было. Гриша отвернулся от огня и воскликнул:

— Глянь-ка!

Он долго никак не мог понять, что это за фигура направляется к ним.

— Володя! — наконец узнал он с радостью. — Один? Сам?

— Один. Сам, — ответил Володя.

МАРУСИ И ГУСИ

Рис. А. БРЕЯ

Сергей БАРАНОВ

Шли над речкой три Маруси,
Им навстречу — злые гуси.

Подошёл гусак
и вдруг
Зашипел на трёх подруг.

Но бесстрашный мальчик Гриша
Крики девочек услышал,
Прибежал издалека,
Отогнал он гусака.

Разбежались злые гуси,
Рассмеялись три Маруси.

НЕНАДЕЖНЫЙ ДРУГ

М. МАЛИШЕВСКИЙ

— Давай дружить! — предложила Собачка Кошке.
— Ты же дружишь с Курицей?
— Я с ней поссорюсь!
— Если ты так легко можешь поссориться с Курицей, то уж наверняка поссоришься и со мной! — сказала Кошка.
И не стала дружить с Собачкой.

Ваня в ГОРНИЦЕ

Ходил Ваня по горнице — никогда не вытирал ноги.

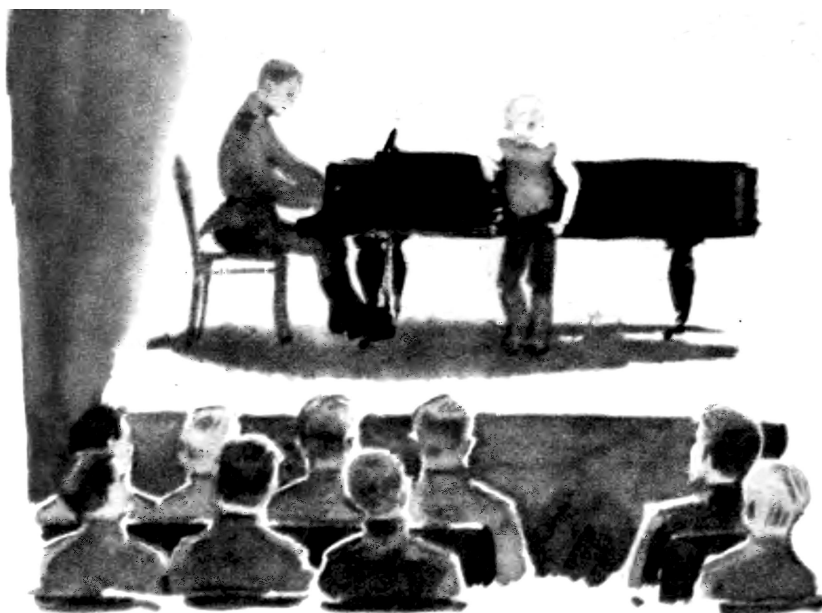
Взял на себя уборку — стал ходить на цыпочках.

ПЕСНЯ О ВЕРНЫХ ДРУЗЬЯХ

А. СОКОЛОВСКИЙ

Рис. А. ИТКИНА

Генка заболел перед самым праздником.

Печально лежал он, укутанный тёплым одеялом и поверх одеяла ещё маминым толстым шерстяным платком. С грустью думал Генка, что вот в воскресенье, в три часа, соберутся в классе ребята, и пойдёт у них веселье. А он так и будет лежать дома. Напрасно, значит, учил он хорошую песню про верных друзей — ту, что в кинокартине пел весёлый черноглазый Гек и которую сам он должен был спеть на празднике...

Поедешь на север, поедешь на юг —
Везде тебя встретит товарищ и друг...

От огорчения Генка покорно глотал пилюли, которые прописал ему доктор из больницы. Он пил горячее молоко, ужасно противное оттого, что бабушка намешивала в стакан по две ложки масла и мёда. И вдруг выздоровел. Снова пришёл доктор и сказал, что в воскресенье можно будет на улицу выходить.

Очень Генка обрадовался. Задумал он в воскресенье в класс прийти неожиданно, ровно в три часа. Вот ребята удивятся!

Когда наступило, наконец, воскресенье, Генка с утра стал нетерпеливо посматривать на часы. А стрелки ползли медленно, ну, прямо как улитки.

Чтобы время бежало быстрее, Генка решил до двух часов с горы на лыжах покататься. Но ведь ему хотелось прийти на праздник неожиданно и всех в классе удивить. Поэтому он пошёл далеко за по-

сёлок, к речке, к высокому откосу, где никто его встретить не мог.

Катается Генка с горки, ветер в ушах свистит. И так весело посвистывает, что петь хочется. Генка и запел:

Поедешь на север, поедешь на юг —
Везде тебя встретит товарищ и друг...

Вниз катится — поёт, а вверх, на горку взбирается — только пыхтит. Очень уж горка крутая.

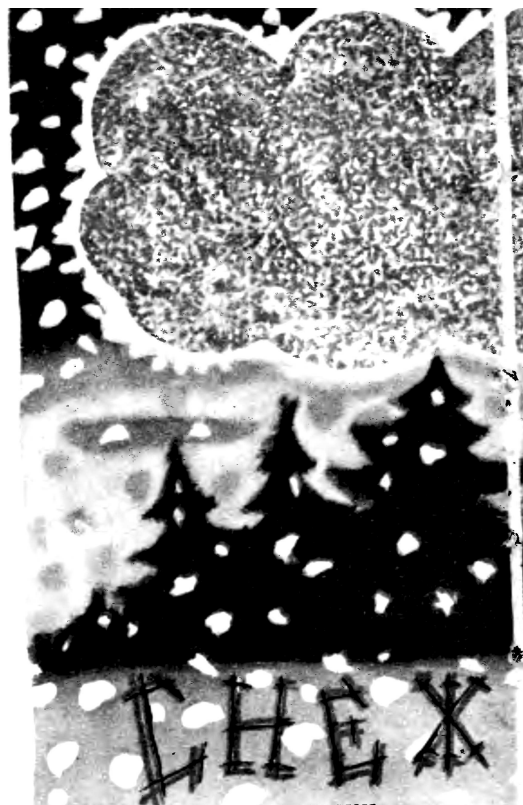
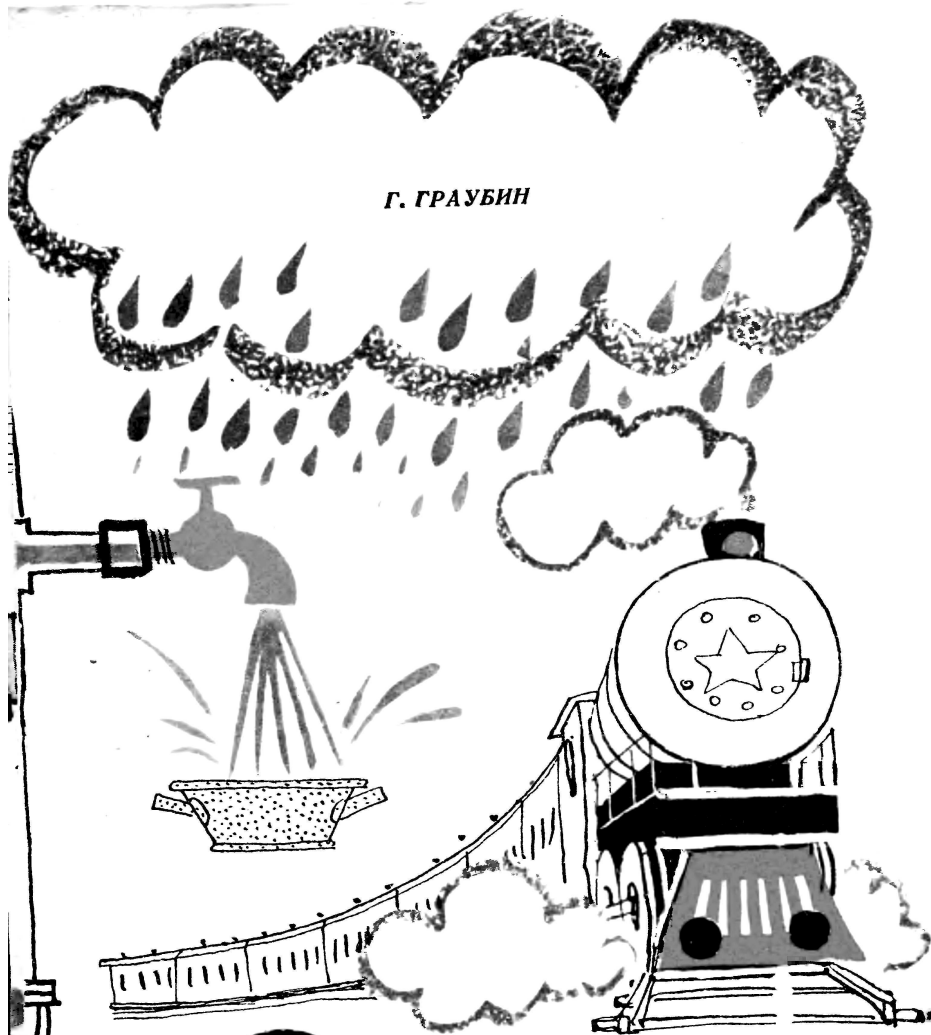
Сто раз, не меньше, Генка с горки прокатился и столько же раз опять на горку влез. «Ну, — думает, — съеду-ка последний разок — и домой». Оттолкнулся палками и помчался вниз. И вдруг подвернулась у него лыжа и упал Генка носом в сугроб.

Конечно, это была небольшая беда. Снег не железо, и нос он себе не расквасил. Но едва попробовал Генка встать, по правой ноге его будто бы кто-то палкой ударил. Даже закричал он от боли.

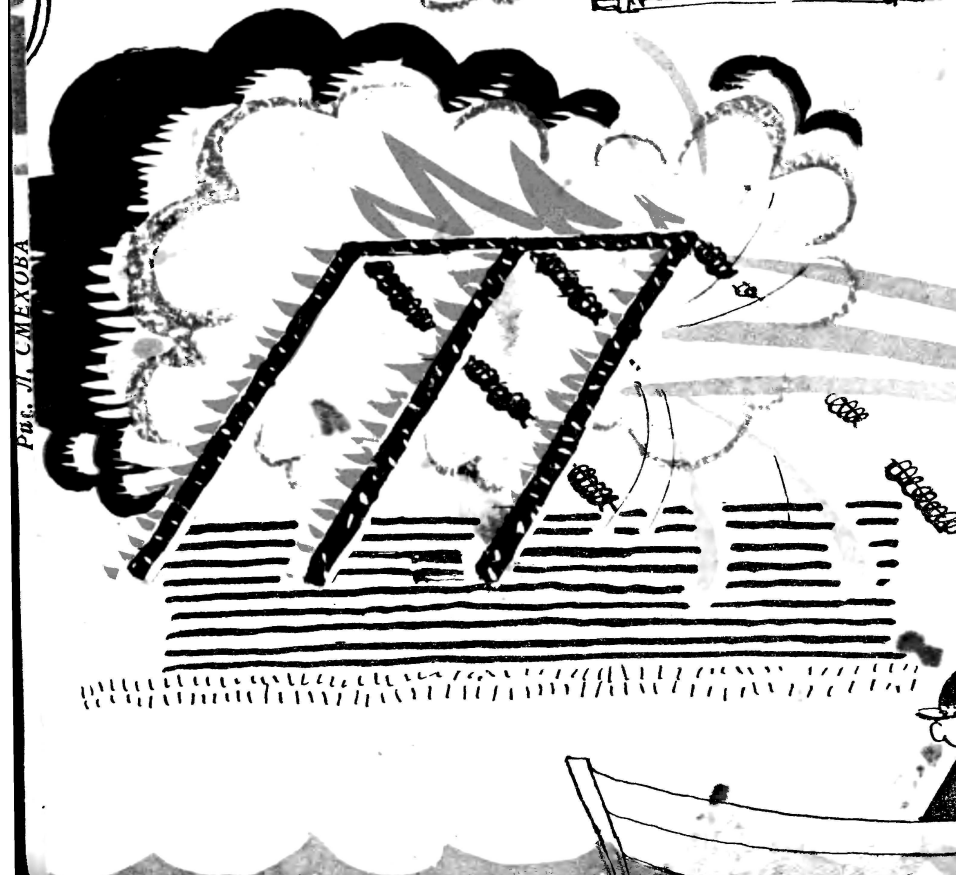
Лежит Генка на снегу, и по щекам слёзы катятся. Не от боли он плачет — когда лежишь, нога не болит, — а от обиды. Только от одной хвори избавился, а тут другая. Конечно, песни петь можно и с больной ногой — не плясать ведь. Но как же он теперь до посёлка доберётся?..

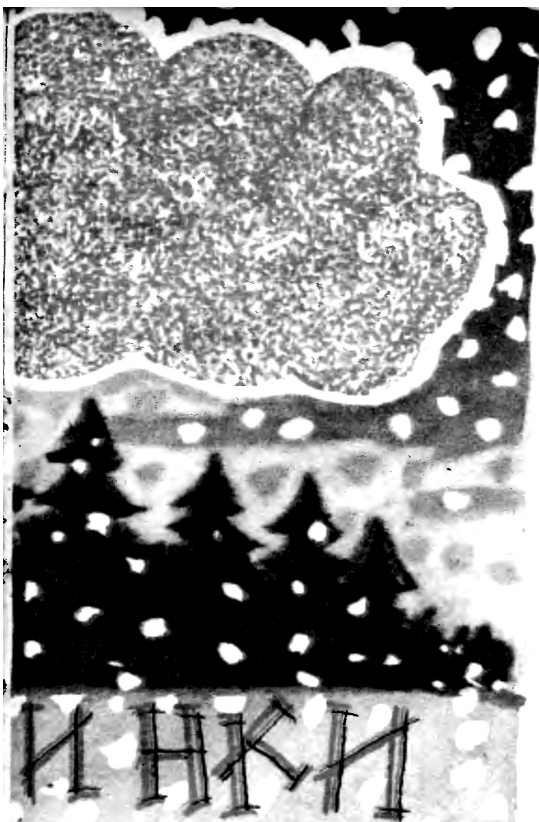
И стало Генке так досадно, что у него даже в глазах потемнело. Испугался он и пошире глаза раскрыл. А когда раскрыл, то увидел, что это не в глазах у него потемнело, а стоят вокруг солдаты-лыж-

Г. ГРАУБИН

Засыпав тропы и тропинки,
Стирая свежие следы,
На землю тихие снежинки
Ложатся блёстками слюды.
Они хрупки и музыкальны:
Когда на них ни наступи,
Скрипят то нежно,
То печально,
Как коростель в ночной степи.
Но эти самые тихони
Вчера плескались в Волго-Доне,
Врывались в шлюзы и плотины

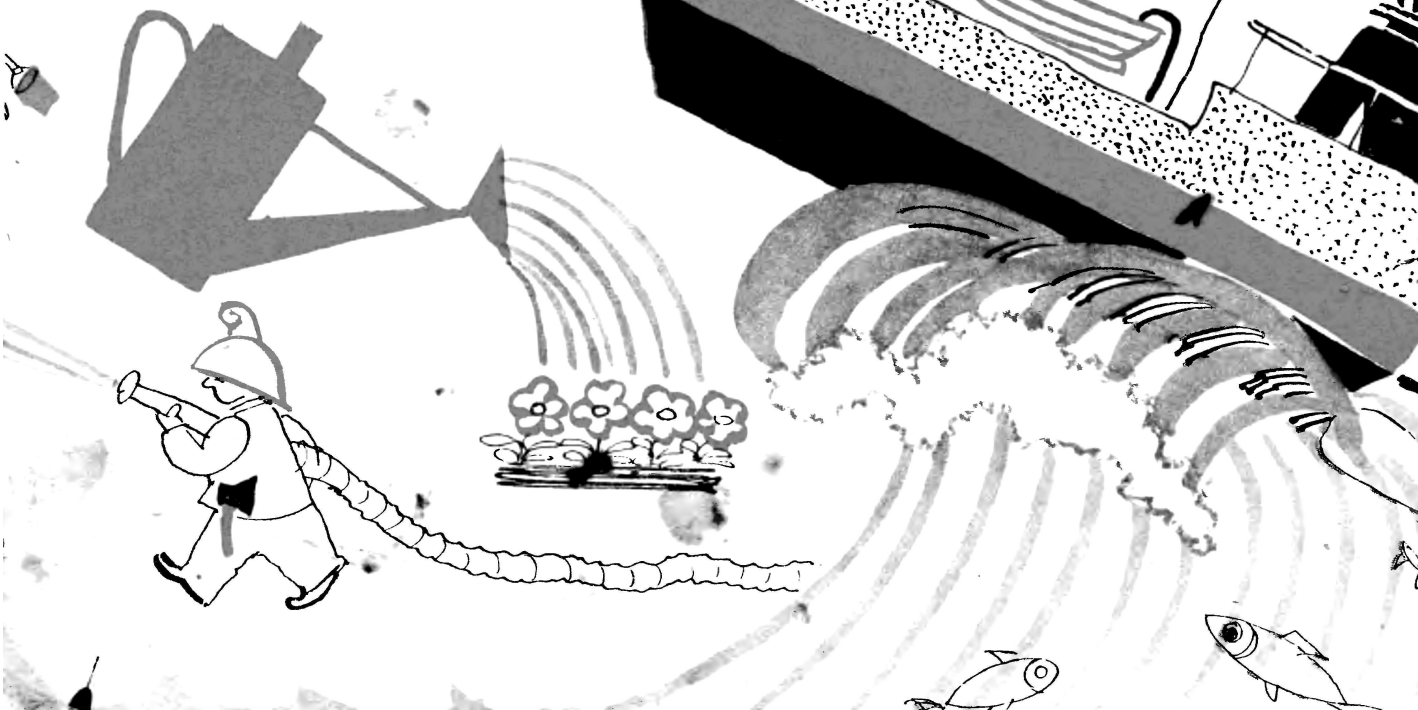
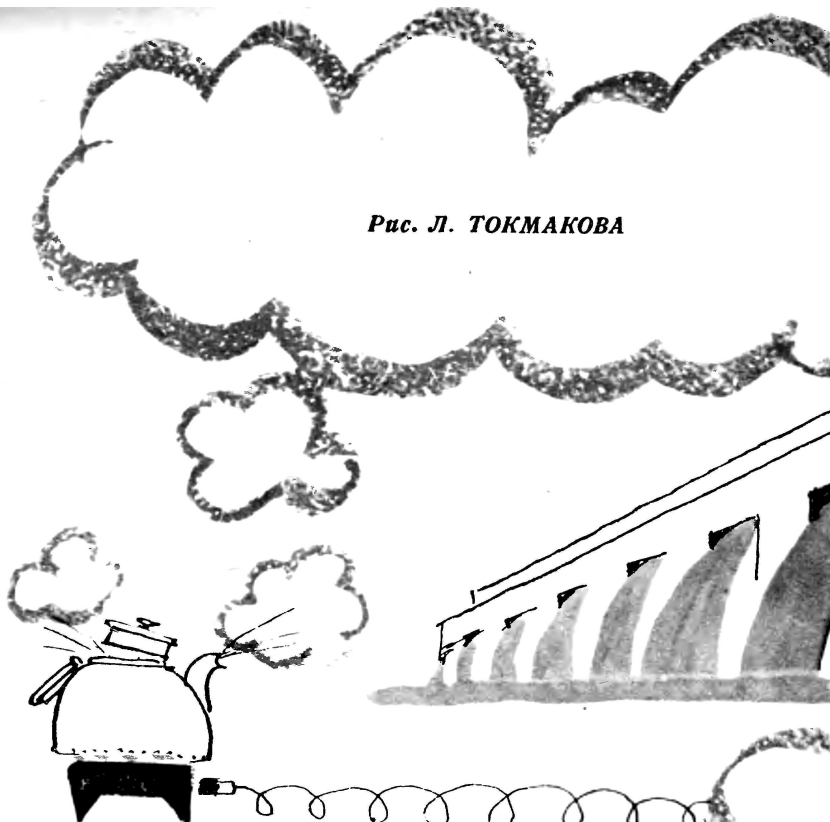

И низвергались с высоты,
Поили влагою пустыни,
Тащили баржи и плоты;
Вступали смело в бой с пожаром,
По трубам мчались в города,
Шипя, в котлах взметались паром
И жизнь вдыхали в поезда!..

Кругом бело.
Снежинки дремлют.
Им скоро снова в дальний путь.
Они садятся к нам на землю,
Чтоб хоть немного отдохнуть.

Рис. Л. ТОКМАКОВА

У САМОЙ ГРАНИЦЫ

Е. ЕРШОВА, К. ОРЛОВА

Фото Э. МИЧНИКА

Всё, о чём мы здесь расскажем, происходило летом в Молдавии, у самой границы, в лагере юных друзей пограничников.

Лагерь этот был особенный, не похожий на другие пионерские лагеря. Туда приехали пионеры только из пограничных городов и сёл. А вожатыми у них были пограничники одной из застав. И начальник лагеря был тоже пограничник — Александр Алексеевич Никольский, майор в отставке, много лет прослуживший на границе.

Ребятам интересно жилось в лагере. Вожатые-пограничники учили их, как распознавать следы, проводили соревнования по следопытству, ходили с ними в дозор и изучали оружие: винтовку, автомат, — проводили занятия с собакой. Учили ребят быть наблюдательными, зорко следить за всем, что происходит на границе.

ПОИСК НАРУШИТЕЛЯ

Было раннее утро. Все ребята ещё крепко спали. Вдруг раздался сигнал тревоги.

Отряд быстро построился во дворе. Там уже ждали вожатые: Павел Ищенко, Валентин Королёв, Виктор Казацкий, Евгений Мелехов. Был здесь и начальник лагеря.

Что же случилось?

Ребят никогда ещё так рано не поднимали. И взрослые озабочены.

К строю подошёл начальник лагеря. Он сказал:

— Нарушена граница. Мы должны помочь пограничникам задержать нарушителя. Построиться по отделениям!

Первому отделению патрулировать перекрёсток!

Второму — осмотреть опушку леса!

Третье и четвёртое поведёт пограничник с собакой Пальмой.

